

что вы хотите сказать; я знаю такъ хорошо, какъ если бы вы уже сказали!

Ужасъ, выражающійся въ ея глазахъ, ея отчаянный жестъ липають его послѣдняго самообладанія.

— Вы сказали, что не жалѣете меня, — произносить онъ чуть не съ рыданіемъ, — и вы, конечно, правы; но я все же прошу васъ... пощадить меня! я не въ своемъ умѣ. Я не имѣлъ права такъ... напугать... такъ оскорбить васъ.

— Я нисколько не оскорблена, — отвѣчаетъ она медленно и ясно: — *это* доказываетъ, полагаю, какъ я низко упала. Я оставила все, потому... потому, что я знала, что если дамъ вамъ договорить... то... не скажу... вамъ... нѣтъ, а скажу... да.

Она умолкаетъ, чтобы перевести духъ. Но несмотря на признаніе себя побѣжденной, высказанное ею, и его побѣду, что-то въ ея взглядѣ держитъ его на почтительномъ разстояніи.

— Но... — продолжаетъ она съ мольбой въ глазахъ и съ похудѣвшимъ и вытянутымъ лицомъ: — если вы... такой, какимъ я васъ всегда считала... если я не ошиблась въ васъ... то вы... никогда не договорите того, что хотѣли сказать.

Наступаетъ гробовое молчаніе. Она не спускаетъ съ него глазъ, пока не убѣждается, что одержала верхъ въ своей страшной борьбѣ.

— А теперь, — говоритъ она съ сухими глазами и рѣшимостью въ голосѣ: — идите! я говорила неправду, когда сказала, что не жалѣю васъ... О! нѣтъ, я очень васъ жалѣю! очень! ну, уходите! къ чему плакать! терпѣть не могу, когда мужчина плачетъ. Богъ съ вами! Богъ васъ благослови! уходите!

И онъ, послушный какъ всегда, уходитъ!